

ЯПОНСКИЕ ПАРИИ

З. Я. Ханин

1. Проблема сегрегации в современной Японии

В наши дни искушенный читатель, интересующийся Японией, знает или, во всяком случае, может знать многое о жизни этой страны. Ежегодно в мире на разных языках публикуется немало книг, статей и очерков, посвященных буквально всем аспектам истории и современного положения Японии. Однако о японских париях — низших социальных группах за пределами Японии знают крайне мало¹. А на Японских островах эта проблема стала исследоваться лишь после второй мировой войны. Может быть, дискриминация париев в общественной жизни современной Японии — малоприметное и незначительное явление? Или же парии не играли какой-либо заметной роли в истории страны? В русле ответа на эти вопросы стоит и проблема отношения к ним разных слоев японского общества.

Позицию официальных буржуазных кругов по этому поводу можно выразить далеко не безобидным софизмом: «Раз наше законодательство запрещает у нас всякую сословную дискриминацию, значит, у нас нет никакой особой социальной и политической проблемы». В данном случае власти нарочито исходят из ложной посылки, что все стороны жизни японского общества определяются существующими в стране юридическими уложениями² и, значит, отсутствуют условия для дискриминации париев, а посему не существует какой-то особой проблемы. Официальные круги Японии практически самоустранились от участия в решении этой проблемы, что, по сути дела, способствует дискриминации париев, именуемых в современной Японии буракумин³. Власть имущие, монополистические буржуазные круги солидаризируются с официальным курсом по отношению к буракумин и «не замечают» этой социальной проблемы.

Однако буракумин вполне отчетливо ощущают остроту дискриминации. Обеспокоенность этой части общества сложившейся ситуацией нашла свое выражение в возрождении после второй мировой войны Союза освобождения бураку (Бураку

¹ На русском языке о них см.: Катаяма Сэн. Движение эта — мощный фактор революционной борьбы японского пролетариата. «Коммунистический Интернационал», 1923, № 26/29; Симадзакитосон. Нарушенный совет. М.-Л. 1931; Б. Горбатов. В Японии и на Филиппинах. М. 1953; З. Я. Ханин. Из истории происхождения дискриминации в Японии. «Страны и народы Востока». Вып. VI. М. 1968; его же. Проблема сэммин и ее изучение. «История, культура, языки народов Востока». М. 1970.

² Об этом можно судить, например, по следующему отрывку из официального заявления, помещенного в газете «Фукуре симпо» вскоре после принятия в 1889 г. первой конституции: «Есть люди, которые говорят о том, что необходимо расширить права син хэймин (новых граждан — так с 1871 г. после формальной отмены сегрегации стали называть париев. — З. Х.). Однако мы совершенно не понимаем, какие их права нам следует расширить. Они и так уже стали равными со всеми и вместе с нами, со всем народом пользуются всеми правами и свободами. По второй статье конституции и им предоставлены все права и свободы, личные и имущественные. И в этом они ни на волосок не отличаются от нас. Более того, в законодательстве всей структуры нашей Японской империи вы не найдете и следа ущемления их прав или ограничения их свобод» (цит. по: «Бураку мондай сэмина». (Семинар по проблемам бураку»). Т. IV. Киото. 1969, стр. 29). По существу, эта точка зрения властей осталась неизменной и поныне, хотя и в новой конституции, принятой после второй мировой войны, оказалось необходимым в качестве актуальной задачи подчеркнуть запрет всякой сословной дискриминации (ст. 14, 18 и 22 конституции) (см. «Современная Япония». М. 1968, стр. 502—503).

³ Буракумин — жители бураку (поселков).

Кайхо домэй), объединяющую усилия тех людей, которые в разных сферах общественной жизни ведут борьбу за решение проблемы сегрегации париев. Существуют некоторые объективные обстоятельства, позволяющие по-разному оценить явления дискриминации буракумин. Дело в том, что значительная доля этого явления отпосится скорее к сфере социальной психологии, анализировать которую всегда особенно сложно. Она, как подводная часть айсберга, обычно скрыта от наблюдателя. Поэтому трудно представить подлинные масштабы подобного явления. Как, например, социально и политически оценить чувства человека, лишенного возможности получить образование, квалификацию или продвигнуться по служебной лестнице лишь потому, что он житель бураку? Или как измерить глубину боли девушки, от которой отвернулся жених, узнав, что она происходит из буракумин? Какова общественная значимость фактов оскорбления людей, которые практически не могут свободно селиться среди «добропорядочных» японцев, общаться с ними, передвигаться беспрепятственно по стране и т. д.⁴

Отношение к буракумин определяется в первую очередь традициями и предрассудками, возникшими и сформировавшимися за многие столетия до появления нынешнего поколения японцев. Старые предрассудки продолжают программировать сознание и сферу чувств миллионов людей, создавая привычный стереотип недостойного, порочного жителя бураку, в большой степени нагнетая такую атмосферу, при которой сотни тысяч жителей бураку изолируются от остального населения страны. Но в практике дискриминации японских париев имеется и надводная, вполне осязаемая часть. Например, городские кварталы, населенные буракумин, представляют собой по преимуществу трущобы, а сельские бураку—наиболее нищие и запущенные деревни. В поселениях париев обычно более низкий, чем в среднем по стране, уровень медицинского обслуживания, меньше школ, хороших дорог и зеленых насаждений, наибольшая скученность. Не удивительно, что среди жителей бураку уровень здоровья и продолжительность жизни ниже, чем в среднем по стране. Около 70% буракумин проживает в настоящее время вне городов. Лишь 40% сельских жителей бураку имеет небольшие участки земли, в среднем до 3 тан⁵ на хозяйство, причем, как правило, худшего качества и наименее удобно расположенные⁶. Для сравнения укажем, что подавляющая часть японских крестьян владеет наделами от 0,5 до 3 тэ земли⁷. К аренде земли на кабальных условиях и к различным побочным заработкам вынуждены прибегать почти все жители сельских бураку.

На промышленных предприятиях буракумин чаще всего используются на самых низкооплачиваемых, трудных и опасных видах работ, не требующих особой квалификации: грузчики, уборщики мусора, дорожные рабочие и т. д. Даже на крупнейших, по-современному оборудованных предприятиях их могут подчеркнуто изолировать от остальных рабочих. Так, на судостроительных верфях в Хиросиме администрация предприятий выдает рабочим-буракумин защитные каски особой расцветки, что позволяет любому определить социальную специфику их хозяев. Для этих рабочих на предприятиях порой оборудуются специальные душевые помещения, особые расчетные конторы и т. д.⁸. Несмотря на промышленный бум последних десятилетий, в Японии среди буракумин неизменно сохраняется большое число безработных и полубезработных. (И это в то время, когда в страну ввозят рабочих-иностранцев.)

Значительная часть жителей бураку перебивается временными заработками. По-прежнему среди буракумин довольно распространены и старые, традиционные виды их деятельности в рамках кустарного производства — изготовление обуви, изделий из бамбука, соломы, мелкое кожевенное производство и мелочная торговля вразнос. Общая численность жителей бураку в наши дни определяется исследователями по-разному: в пределах от 1,3 млн. до 3 млн. человек, а число их поселений — от

⁴ Разумеется, невозможно описать бесконечное множество ситуаций, в которых подчеркивается «неполноценность» жителей бураку.

⁵ 1 тан приблизительно равен 0,1 га.

⁶ Иноуэ Кийэси. Бураку мондай-но кэнкю. (Изучение проблем бураку). Киото. 1965. Приложение, стр. 24.

⁷ 1 тэ приблизительно равен 1 га. «Современная японская деревня». Сборник. М. 1964, стр. 39.

⁸ «Труд», 11. V. 1969.

4 до 6 тысяч⁹. При этом особо отмечается, что около 1 млн. выходцев из бураку проживает вне своих поселений¹⁰. Таким образом, очевидно, не менее 3% всего населения Японии отнесено к категории людей «второго сорта».

История низших социальных групп, поставленных в положение отверженных, чрезвычайно сложна и противоречива. Она насчитывает многие сотни лет. Поэтому сегрегация париев уже давно стала хронической и весьма болезненной проблемой японского общества. Сегодня предубежденный японец отличает жителей бураку от остального населения страны не по их «оскверненности» (с точки зрения буддийских догм, парии занимались «грязными» видами работ), а следуя живучей традиции, приписывавшей буракумин разные отрицательные врожденные качества (лень, нечистоплотность, трусость, коварство и т. п.).

Как свидетельствует история японских париев, социальный предрассудок обладает большой жизнестойкостью. Одна из причин этого заключается в том, что предрассудок формируется не на основе анализа и точного знания объективной реальности, а в сфере веры путем априорного восприятия определенных реалий. В связи с этим социальный предрассудок, будучи суждением, оторванным от живой, постоянно меняющейся реальности, лишен способности к быстрой эволюции и потому крайне живуч. Отрицательный стереотип жителя бураку, появившийся на основе указанных выше предрассудков, как раз и способствует столь долго воспроизводству традиционного отношения к отверженной части населения Японии.

Но не социальный предрассудок определяет сегрегацию японских париев: даже самый предубежденный японец признает, что ленивые, нечистоплотные, коварные и т. п. люди имеются не только среди буракумин. Изоляция части жителей страны и надделение их всяческими отрицательными качествами сегодня в общих чертах определяются старой традицией — социально и психологически обособлять жителей бураку от остального населения. Социальная традиция, хотя бы и такая явно отрицательная, как сегрегация жителей бураку, нередко обладает огромной внутренней силой. Имеющая многовековую практику, она может оказаться даже более эффективной, чем юридические акты властей, особенно те из них, которые не были подкреплены желанием воплотить их в жизнь¹¹.

По какому же признаку осуществляется сегрегация и дискриминация париев? Ответить на этот вопрос совсем не легко, особенно в историческом ракурсе рассмотрения этого явления. В самом деле, если за пределами Японии с неизбежной дозой удивления узнают о феномене «буракумин», то тот факт, что японские парии никогда не отличались от остального населения страны ни в расовом, ни в национальном, ни в религиозном отношении, явно озадачивает. В отличие от многих других капиталистических стран, где дискриминация части населения обычно осуществляется на «готовой» базе — расовой, национальной или религиозной, в Японии в силу имманентных закономерностей развития социально-антагонистического общества это явление выкристаллизовывалось путем внутреннего размежевания. Именно поэтому внешние признаки сегрегации никогда не были в этой стране четкими и неизменными. Линия раздела между париями и остальным населением Японии всегда определялась скорее подспудными социально-экономическими и политическими процессами развития страны, а внешне выражалась в правовых ограничениях первых, а также в традициях и предрассудках, содержание которых на протяжении истории в какой-то степени менялось.

В течение многих столетий основным признаком сегрегации париев была «оскверненность» этих людей «грязью» крови и смерти. Это распространялось на скотобоев, могильщиков, кожевников и т. п. Однако сейчас больше, чем когда-либо

⁹ Ватанабэ Хироси. Микайхо бураку-но ситэки кэнкю. (Исследование истории неосвобожденных поселков). Токио. 1963, стр. 4; Годзэ Такаси. Бураку си-но кадай. (Проблемы истории бураку). «Бураку мондай сэмина». Т. II. Кюто. 1969, стр. 25; «Коннити-но бураку мондай». («Проблемы бураку сегодня»). Токио. 1969, стр. 9—10.

¹⁰ Наканиси Гию. Бураку кайхо ундо-но гэндзэ. (Современное состояние движения за освобождение бураку). «Бураку мондай кэнкю», 1963, № 9 (т. 14), стр. 8—9.

¹¹ Например, изданный в августе 1871 г. закон об отмене сегрегации японских париев практически мало что изменил в положении жителей бураку.

ранее, принцип «оскверненности» не может рассматриваться логически обоснованным признаком дискриминации. Прежде всего среди буракумин почти не осталось профессиональных скотоводов и кожевников, а убоим скота и кожевным производством, ничуть не оскверняя себя, занимаются многие тысячи «чистых» японцев. Да и догмы буддизма уже давно не играют столь значительной роли в определении характера социальных отношений в стране, как это было в период феодализма. Но сегрегация буракумин тем не менее продолжается. По какому же признаку она осуществляется? Чем отличаются буракумин от остальных японцев? В наши дни практически ничем. Единственный сохранившийся до сих пор признак — это то, что какая-то часть населения проживает или когда-то проживала в особых поселениях, так называемых токусю бураку, большинство которых были созданы в конце периода междоусобных войн (XVI в.) и в начале эпохи правления дома Токугава (XVII в.). Именно поэтому сегрегация париев в современной Японии воспринимается не более как традиция, подкрепленная комплексом предрассудков.

Возникает вопрос: каким же образом в наши дни узнают, кто житель бураку?¹² В современной Японии выходцы из бураку могут на какое-то время скрыть свое происхождение, что многие и пытаются сделать, в первую очередь те сотни тысяч буракумин, которые расселились по стране и живут далеко за пределами своих бураку. Однако надолго завуалировать это редко кому удается. Дело в том, что при любом официальном столкновении с обществом, например, при поступлении в учебное заведение или на работу, при женитьбе, переезде, поселении в новой квартире и при многих других обстоятельствах, от человека требуют предъявления личных документов и поручительств от его родных, соседей или знакомых, вследствие чего почти обязательно устанавливается его социальный статус. Жителей бураку иногда определяют и по фамилиям, которые нередко образуются от названий их родных бураку. Вместе с тем сотни тысяч париев не намерены и сами скрывать и не скрывают свой социальный статус: они по-прежнему продолжают жить в «особых поселениях», а порой даже с вызовом подчеркивают свое происхождение, стремясь хотя бы в такой форме защитить собственное человеческое достоинство¹³. Кроме того, желание буракумин сохранить сословное единство объясняется надеждами на то, что их сложные социальные и экономические проблемы окажется более возможным решить в рамках бураку, в кругу «своих» людей.

Приведенные здесь сведения дают некоторое представление о той грани, которая отделяет буракумин от остального населения страны. Чтобы обнаружить подлинные истоки рассматриваемого явления, следует обратиться к далекому прошлому Японии.

2. Немного истории

Проблема происхождения японских париев остается еще далеко не решенной и во многом спорной¹⁴. По истории париев сохранилось немного надежных источников, причем часть из них носит довольно случайный характер и отображает не слишком существенные стороны жизни социальных низов. В поисках истоков тех основных черт, которые были характерны для положения буракумин как последней модификации японских париев, — социальной сегрегации, фиксации круга презираемых занятий, комплекса унижительных предрассудков, правовых ограничений и т. д. — обра-

¹² В период Токугава жителей бураку обязывали носить одежду особых расцветок, значки из кожи, определенные прически. Собственно, и сейчас эта традиция в какой-то мере сохраняется; например, защитные каски особых расцветок для рабочих-буракумин, о которых уже шла речь.

¹³ Рассуждения «Раз вы буракумин, значит, вы все плохи» они противопоставляют свое суждение: «Хотя мы и буракумин, мы ничем не хуже вас». В период подъема освободительного движения париев Общество уравнивания (Суйхэйся) не раз обращалось с призывом: «Не стыдитесь того, что вы буракумин!», «Гордитесь тем, что вы буракумин!». («Бураку мондай сэмина». Т. IV, стр. 74).

¹⁴ О некоторых аспектах этой дискуссии см.: Уэда Масааки. Иватору дзин-руй кигэн сэцу-но кэнто. (Обзор так называемых антропологических теорий происхождения). «Бураку мондай сэмина». Т. II, стр. 56—71; Ватанабэ Хироси. Указ. ссч., стр. 1—24.

тимся к истории различных низших групп общества, сменявшихся на протяжении многих веков на исторической арене феодальной Японии¹⁵.

В простейших формах проблема дискриминации (имеются в виду такие ее элементы, как предрассудки и презрение по отношению к «чужакам», экономические и правовые ограничения) возникла при первобытнообщинном строе, когда началось обособление в его рамках каких-то привилегированных групп. Уже тогда в социальной психологии закрепились идеи противопоставления «мы» и «они», при которой «они» могли считаться «не вполне людьми»¹⁶. Древнейшие китайские, корейские и японские источники зафиксировали на рубеже и в первые века нашей эры наличие в Японии крупных племенных объединений, нередко воевавших между собой: племена ва, эбису, кумасо и другие¹⁷. Советский исследователь С. А. Арутюнов резонно замечает, что в этом случае представители кумасо могли восприниматься людьми ва как «инородцы»¹⁸, «чужаки», к которым те относились с презрением. В наиболее сильном племенном объединении древности ва, кроме вождя и его окружения, знати и «простого народа», источники отмечают наличие еще одной социальной группы, так называемых сэйко — рабов-ремесленников, принадлежавших родовой знати¹⁹. По-видимому, традиция социального объединения по профессиональному признаку восходит здесь именно к ней.

Известно, что в первые века нашей эры на Японские острова с материка разными путями попало значительное число корейцев и китайцев, обладавших специальными навыками и знаниями: гончары, шелководы, кузнецы, седельщики, ювелиры, зеркальщики, корабельщики, ткачи, портные, вышивальщики, лекари, учителя, астрономы, правоведы, архитекторы, живописцы. Эти нужные племенной знати люди иногда переселялись на Японские острова добровольно, но чаще всего попадали сюда в качестве пленников, захваченных во время походов на материк, особенно частых в III—VI веках²⁰. Пытаясь решить проблему происхождения «отверженности» в Японии, некоторые японские исследователи и общественные деятели обращались именно к этому историческому факту, который, казалось бы, логично и просто все объяснял²¹. Появление в стране групп иноземцев связывалось ими с неизбежностью возникновения при этом комплекса отрицательных предрассудков и с изоляцией «чужаков» или же с механическим привнесением пренебрежения к ремесленникам и торговцам, существовавшего тогда на прежней родине попавших на Японские острова китайцев и корейцев²².

Однако известные нам факты исключают приемлемость для Японии теории происхождения париев на этнической основе. Дело в том, что оказавшиеся на Японских островах китайцы и корейцы практически не составили там отдельной социальной группы и не были изолированы от общества по этническому признаку. Большинство из них вошли в уже давно существовавшее объединение так называемых бэ — зависимых от знати ремесленников-крестьян, потомков представителей родов-данников. Труд бэ целиком принадлежал их господам, но по своему реальному положению они были скорее крепостными, чем рабами²³. Однако, даже будучи бэ, китайцы и корей-

¹⁵ Хаясия Тацусабуру, Ёкои Киёси. Рэкисигаку ва бураку мондай то до торикунда ка? (Как историография рассматривала проблему бураку?). «Бураку», № 174 (5), стр. 5.

¹⁶ Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М. 1966, стр. 81—82.

¹⁷ Н. И. Конрад. Лекции по истории Японии. Ч. I. (Древняя история). М. 1937, стр. 18.

¹⁸ С. А. Арутюнов. Этническая история Японии на рубеже нашей эры. «Восточноазиатский этнографический сборник». М. 1961, стр. 149.

¹⁹ «Бураку си-ни кан-суру соготэки кэнкю». («Комплексное изучение истории Японии»). Т. I. Токио. 1955, стр. 17.

²⁰ Ким Бусик. Самкук Саги. (Исторические записи трех государств). М. 1959; Н. И. Конрад. Указ. соч., стр. 31, 48.

²¹ Суждения об иноземных истоках дискриминации париев в Японии высказывали историки XVII—XIX вв., а также некоторые современные исследователи проблемы, например, проф. Татикава Сэйдзиро. (Критический анализ подобных теорий см.: Ватанабэ Хирооки. Указ. соч., стр. 6).

²² В Китае и Корее ремесленники в ту эпоху имели чрезвычайно низкий социальный статус (см. З. Г. Лапина. К вопросу о традициях в экономических учениях китайского средневековья. «Народы Азии и Африки», 1969, № 4, стр. 58—59).

²³ Н. И. Конрад. Указ. соч., стр. 62.

цы как более квалифицированные мастера в меньшей степени, чем остальные члены этой группы, занимались сельскохозяйственным производством. Они играли заметную роль во многих сферах хозяйственной жизни первых государственных образований Японии: в военном деле, строительстве, делопроизводстве²⁴. Кроме того, потому что чужеземцев вошли не только в состав бэ, но и в состав хэймин («простого народа»), знати и высокопоставленных чиновников²⁵.

Таким образом, мы не можем констатировать какого-то особого пренебрежения к китайцам и корейцам, их этнической отчужденности. Отношение к ним определялось не их происхождением, а скорее тем социальным статусом, которого они смогли добиться на новой родине. Да и процесс ассимиляции вообще исключил в конце концов элементы этнической обособленности. Но проблема дискриминации все же сохранялась в стране и позднее.

Во второй половине VII в. население страны было разделено на две неравные части: на большинство полноправных, «благородных» (рё, или рёмин) и меньшинство неполноправных, «презираемых», «подлых» (сэн, или сэммин). Таким образом, впервые было юридически зафиксировано деление японского общества по принципу «достойности». Сэммин — объединение сословного характера, отделенное от остального общества, само не было социально единым. Оно состояло из 5 замкнутых подсословий, в значительной степени различавшихся между собой по правам, экономическим возможностям и социальному рангу. В состав сэммин входили слуги и рабы, за которыми были закреплены обязанности по обслуживанию императорских могильников, дворца, чиновничьего аппарата, представителей знати и бюрократии. По формам зависимости они делились на государственных и личных, причем положение последних было несравненно более тяжелым. Несмотря на большие различия между ними, для остального общества все 5 групп сэммин представляли сравнительно единое сословное целое, низкое и презираемое. Это подчеркивалось обязанностью всех сэммин носить платье лишь желтого цвета, что сразу исключало для «благородных» сомнения в определении социального статуса первых²⁶. Различными запретами на самоуправление, на установление прямых деловых контактов и унижительными предрассудками сэммин были поставлены гораздо ниже основной части трудового населения страны — крестьян²⁷. Такое положение сэммин в обществе подчеркивалось также переводом в их состав провинившихся лиц и преступников, что считалось суровым наказанием.

Весьма низкое место в системе социальной иерархии занимали в то время еще две группы — дзакко и томобэ, которые формировались по профессиональному признаку. Эти объединения ремесленников-крестьян по своему реальному положению и отношению к ним окружающих были близки к сэммин, хотя формально относились к «благородным». Об этом, в частности, свидетельствует возможность наказания рёмин переводом его в состав дзакко или томобэ²⁸. Сэммин, дзакко и томобэ имели черты сходства с возникшими впоследствии объединениями париев — низкий социальный статус, правовые ограничения, презрительные оценки их человеческих качеств, но во многом и отличались от них. Первые обладали правом заниматься сельским хозяйством, при определенных условиях могли рассчитывать на переход в состав рёмин, их реальное положение в обществе в основном определялось юридическими нормами, а не традициями и предрассудками. Так, известны случаи привлечения крестьян для выполнения некоторых повинностей сэммин.

Структура феодального общества в Японии, естественно, не оставалась неизменной: постепенно модифицировались формы землевладения, положение крестьян, ремесленников и низших социальных групп. При этом трансформация, и весьма серьез-

²⁴ Китагаяма Мофу, Нарамото Тацую, Фудзитани Тосио, Хаясия Тацусабуро, Иноуэ Киёси. Бураку-но рэкиси то кайхо ундо. (История и освободительное движение бураку). Киото. 1956, стр. 11.

²⁵ Иноуэ Киёси, Китахара Тайсаку. Бураку-но рэкиси. (История бураку). Токио. 1960, стр. 26.

²⁶ Уэда Масааки, Харада Томохико. Бураку-но рэкиси. (История бураку), Т. 1. Киото. 1960, стр. 26.

²⁷ Сакота Ёсикадзу. Дзинкэн-но рэкиси. (История прав человека). Киото. 1965, стр. 23.

²⁸ Китагаяма Мофу, Нарамото Тацую и др. Указ. соч., стр. 32.

ная, низших слоев общества была не каким-то исключительным феноменом, а закономерным следствием перемен во всей феодальной структуре страны. К X—XI вв. чрезвычайно централизованная социально-экономическая и политическая система, опиравшаяся в значительной мере на законодательство второй половины VII в., по существу, потерпела крах. Возникла и окрепла новая, в значительной степени децентрализованная структура, базой которой стало поместное землевладение. С развитием поместий (сёэнов) постепенно формировались и новые низшие социальные группы, в какой-то мере изолированные от общества и презираемые, а также отличавшиеся от уже распавшихся объединений сэммин, дзакко и томобэ. По своему положению они оказались гораздо ближе возникшим впоследствии буракумин. То были группы сандзё-но тами (люди сандзё) и каварамоно (жители кавара).

Термином «сандзё» определялись включенные в поместные владения запущенные участки земли, покинутые крестьянами и, следовательно, не обеспечивавшие налогами и податями государственную казну²⁹. Присоединяя эти участки к своим владениям, администрация сёэнов селила на них, в частности, бродяг — бывших крестьян, ремесленников, а также потомков сэммин, дзакко и томобэ. Жители этих новых поселений и назывались сандзё-но тами. Почти полностью лишённые возможности заниматься сельскохозяйственным производством, они освобождались от налогов и других повинностей, определяемых владением землей. Однако это вовсе не делало их жизнь более легкой, чем жизнь крестьян. Они привлекались к выполнению трудовых повинностей, которые были не только чрезвычайно тяжелыми, но в соответствии с буддийскими догмами рассматривались как «оскверняющие», унижающие человека: к захоронению трупов, уборке нечистот, сдиранию шкур с животных, производству изделий из кожи и т. д. Словом «кавара» (буквально «пойма реки») также обозначали свободные от налогового обложения участки земли, не включавшиеся во владения феодалов и крестьян. Чаще всего это были совершенно бесплодные, непригодные для сельского хозяйства, покрытые галькой участки прибрежной полосы вдоль реки. Селившиеся в период раннего средневековья в этих кавара бродяги оказывались в положении относительно независимой, но наиболее нищей части населения страны. Производительный труд был для них не доступен. Поэтому многие каварамоно оказались вынужденными добывать себе средства к существованию нищенством, какими-либо примитивными публичными представлениями, а многие женщины становились профессиональными гадалками, проститутками и пр.

С постепенным включением поселений кавара в состав сёэнов социальные и профессиональные различия между каварамоно и сандзё-но тами значительно стирались, и они составили, по существу, единое, презираемое по признаку «оскверненности» сословное объединение³⁰. Оно было настолько презираемым и изолированным, что сюда нередко направлялись неизлечимо больные (например, прокаженные) или в качестве сурового наказания — преступники из числа «достойных». В некоторых материалах той эпохи описывается, как в г. Нара из окрестных поселений приходили за подаванием нищие-каварамоно и прокаженные. Им обычно довольно охотно подавали милостыню. Однако их и боялись, особенно прокаженных, полагая, что они несут столь страшную кару за порочность, недостойное поведение и грехи³¹.

Усиление процесса традиционной сегрегации низших групп и презрения к ее представителям выразилось, в частности, в том, что в XIII—XIV вв. за ними закрепились названия эта (что буквально означает «много грязи», причем здесь имеется в виду идея не только физического, но и нравственного осквернения) и хинин (нечеловек). В течение длительного времени эти слова были почти синонимами. Но к XV—XVI вв. они стали употребляться для обозначения двух групп париев, в социальном и профессиональном отношениях все более различавшихся между собой³².

²⁹ Там же, стр. 70.

³⁰ В некоторых материалах встречается такая характеристика представителей этого сословия: «Они не люди», «из людей они самые низкие..., они поедают мясо убитых коров и лошадей» (цит. по: Уэда Масааки, Харада Томохико. Указ. соч., стр. 54.)

³¹ «Нингэн мина кёдай». («Все люди—братья»). Киото. 1965, стр. 106.

³² Ямамото Нобору. Бураку сабэцу-но сьякайгакутэки кэнкю. (Социологическое исследование дискриминации бураку). Киото. 1966, стр. 21.

Существенной особенностью положения японских париев становились традиционные ограничения в выборе видов деятельности. Им отвели определенную роль в сфере хозяйственной и культурной жизни страны, но лишили права владеть землей, заниматься сельскохозяйственным производством. Последнее же в условиях феодализма неизменно являлось показателем определенной добропорядочности, социальной надежности и даже респектабельности. Парии имели право на занятия некоторыми видами ремесла и торговли, которые рассматривались тогда как довольно низкие и в какой-то мере сомнительные виды деятельности. Однако при всем том реально складывалась следующая ситуация. Во-первых, ограничения, обязывавшие париев заниматься точно зафиксированными видами «низких» работ, практически обернулись для них гарантиями своеобразных монополий, которые обеспечивали им некоторые материальные выгоды. Во-вторых, отодвинутые, как считали феодальные власти, на самые задворки социальной и экономической жизни страны, группы париев в действительности играли все более заметную роль в процессе нормального функционирования всего хозяйственного механизма общества. Достаточно указать, например, на далеко не полный перечень занятий, доступных японским париям в XV в.: убой скота, кожевенное производство, некоторые виды строительного, кузнечного и горного дела, производство обуви, военного снаряжения (доспехов, колчанов, тетив и т. д.), изделий из бамбука, соломы, гончарных и фарфоровых, рытье колодезь, разбивка садов и парков, малярные, транспортные, дорожные и ирригационные работы³³.

Таким образом, японские парии практически оказались занятыми в разнообразных и важных сферах хозяйственной жизни страны и играли в них существенную роль. Столь большое многообразие в доступных им видах занятий убедительно свидетельствует о несостоятельности суждения о том, что единственной причиной образования явления «отверженности» в Японии послужили якобы лишь буддийские представления об «оскверненности грязью» смерти и крови.

Низшие социальные группы страны сыграли также достаточно заметную роль и в развитии различных жанров престонародных представлений. Артистическая деятельность в условиях феодальной Японии считалась «недостойной», «низкой», и именно это сделало ее сравнительно доступной для париев³⁴. В их среде постепенно формировались постоянные, даже наследственные артистические труппы, специализировавшиеся в самых разных жанрах: танцах, пении, речитативном декламировании популярных сочинений, акробатике, жонглировании, кукольных представлениях, хождении по канату, дрессировке животных (в основном обезьян), показе фокусов, игре на музыкальных инструментах.

В XV—XVI вв. завершился распад поместной, сённой системы: возникли крупные автономные владения, принадлежавшие новым феодальным сюзеренам, так называемым даймё. Процесс формирования этих владений сопровождался кровопролитными войнами между наиболее мощными даймё, которые привели к значительным политическим и социальным переменам, в том числе и в низших слоях общества. Прежние узы зависимости париев от владельцев сёнов слабели. Вместо этого над ними устанавливалось более прочное и беспощадное господство со стороны усиливавшихся даймё. Стремясь упрочить свои экономические и военные позиции в длительной борьбе с враждебными феодалами, многие даймё создавали чаще всего в пределах или вблизи своих крепостей, городов особые поселки, куда по их приказу свозили париев из разных районов их владений. Жителей этих поселков прежде всего обязали удовлетворять военные потребности даймё: производить доспехи, конскую сбрую, колчаны, тетивы. Кроме того, им вменили в обязанность, причем в большем объеме, чем прежде, служить феодалам в качестве шпионов, доносчиков, охранников, тюремщиков и палачей. Они же должны были первыми отбивать нападения крестьян в случае их восстаний. Закрепление за париями подобных «полицейских» повинностей еще более углубило пропасть между ними и остальным населением. Наряду с этим неизменно сохранялись и их традиционные повинности.

³³ Уэда Масаки, Харада Томохико. Указ. соч., стр. 48—49.

³⁴ В средневековой Японии термин «каварамону» воспринимался как синоним слова «артист» (В. Н. Chamberlain. Things Japanese. Tokyo. 1905, p. 150).

Новые поселения париев, называвшиеся бураку, пополнялись и за счет бродяг, нищих, провинившихся или разорившихся крестьян, ремесленников и торговцев³⁵. Во время создания в XVI—XVII вв. большинства существующих до наших дней бураку в среде париев в полном соответствии с общими закономерностями развития страны усилился процесс классового расщепления. Многочисленные эдикты даймё, а также сё-гунов в период Токугава имели своей главной целью как можно дольше сохранить сословную разьединенность народа, изолированность буракумин. Были регламентированы разные стороны жизни париев и юридически закреплены те социальные традиции, которые просуществовали впоследствии сотни лет.

3. Кто же они, японские парии?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, недостаточно ограничиться лишь общим рассмотрением современного положения буракумин и истории отдельных социальных групп, находившихся в условиях определенной изоляции от остального населения Японии. Для этого совершенно необходимо установить закономерности развития дискриминации, связывающие все данные группы в единое целое. В классовом обществе, где закрепляются социальное неравенство, сословный и классовый антагонизм, появляются на разных исторических стадиях социальные группы, в положении которых сказываются все противоречия, отрицательные черты существующей системы в наиболее концентрированном виде — эксплуатация, презрение и нетерпимость к угнетенным и их сегрегация. На дно общества могут быть отброшены группы, изолированные по самым разным признакам (расовому, национальному, религиозному и др.). В Японии такие признаки «не сработали»: не оказалось достаточных объективных условий. Поэтому потребность феодального общества в подобных группах была реализована там особым способом.

Существовавшие в феодальной Японии социальные группы, поставленные ниже остальных слоев общества, — бэ, сэммин, дзакко, томобэ, сандзё-но тами, каварамоно, эта, хинин, буракумин — в своей основе, несомненно, связаны между собой: на протяжении многовековой истории в их положении постепенно накапливались черты, которые и составили явление «отверженности». Не следует думать, что здесь существовала обязательная наследственная связь; что сэммин, например, — это обязательно потомки бэ, а предками каварамоно являлись только сэммин, хотя в какой-то мере такая связь также имела место. Скорее всего каждая новая модификация низших групп общества формировалась на базе уже сложившихся, характерных для положения прежних объединений, социальных и политических правовых норм, традиций и предрассудков. Даже самый факт неизбежности создания новых групп, после распада по каким-то причинам старых, свидетельствует об этой закономерности и связи. Если в глубокой древности формирование низших социальных объединений главным образом определялось волей знати и законоположениями властей, то с XII—XIII вв. оно все больше зависело от складывавшихся традиций и предрассудков. Последние, казалось, превращались в независимую общественную силу, которая способствовала формированию из низших социальных групп объединений «классических» париев. Сегрегация отверженных в Японии явилась закономерным результатом постепенной, многовековой трансформации низших социальных групп феодального общества, эволюционировавших в соответствии с его основными социальными принципами. В процессе этой эволюции некоторые особенности положения низших групп исчезали, но вместе с тем накапливались те черты, которые постепенно и составили комплекс «отверженности». А особую роль в этом отношении сыграли буддийские идеи «осквернения», освящавшие японский вариант сегрегации части населения страны.

В связи с этим многие специфические черты развития подобного явления в Японии определялись тем, что «линия раздела... между сэммин и обычным народом не была точно определена, и, кроме того, мерка оценки ее не была неизменной»³⁶. Это,

³⁵ Уэда Масааки, Харада Томохико, Фудзитани Тосио, Наканиси Ёсио. Бураку-но рэкиси то кайхо ундо. (История и освободительное движение бураку). Киото. 1965, стр. 84.

³⁶ J. B. Cornell. «Caste» in Japanese Social Stratification: A Theory and Case. «Monumenta Nipponica». Vol. XXV, 1970, pp. 117—118.

например, такие специфические особенности, как последовательное возникновение на протяжении многовековой истории разных презираемых групп, заметно отличавшихся друг от друга; параллельное существование объединений, даже в какой-то степени противопоставленных друг другу по правам, экономическим возможностям и их социальным оценкам; обычная практика пополнения групп отверженных представителями «благородных» сословий, а при определенных условиях — право на переход париев в состав «народа». Несмотря на эту специфику, в японском обществе довольно четко определяются представители низших социальных групп — париев. Вначале это происходило благодаря юридическому закреплению социального размежевания, впоследствии традиции социального и политического ostracизма, способствовавшие воспроизведению групп париев, определили новые способы внешнего выражения сегрегации: кожаные значки на одежде, ночные фонарики. Наконец, в наши дни внешние признаки для выделения буракумин почти исчезли, но возможностей для осуществления постоянной их изоляции осталось еще немало.

Выясняя вопрос о происхождении «отверженности» в Японии, следует остановиться на роли буддийских догм об «оскверненности» в процессе формирования дискриминации. Эта роль, хотя и важная, часто несколько преувеличивается³⁷. У нас нет оснований считать их единственным источником «отверженности». В действительности представления об «осквернении» живодерством существовали на Японских островах до того, как туда в VI—VII вв. проник буддизм³⁸. Возможно, тогда они были связаны с тотемизмом отдельных родов³⁹, но практически еще не влияли заметно на характер социальных отношений. После VII в. догмы буддизма в течение долгого времени также не оказывали сколько-нибудь значительного воздействия на идеологическое закрепление положения низших социальных групп. Лишь с XI—XII вв. с уменьшением эффективности правового барьера между «народом» и париями функцию инструмента в осуществлении сегрегации довольно успешно стали выполнять глубоко укоренившиеся в сознании широких народных масс буддийские представления об «осквернении». Эти представления освящали складывавшиеся социальные отношения. Между тем идея «осквернения» никогда не была источником и основным признаком сегрегации. Она просто «удачно» подошла к давно развивавшемуся в стране социальному процессу. Но ее роль нельзя и преуменьшать: формы «отверженности» в Японии в том виде, в каком они просуществовали в течение многих веков, складывались именно под влиянием соответствующих идей буддизма.

Итак, правильное всего считать японских париев закономерным продуктом своеобразной эволюции многих элементов феодального общества Японии на протяжении сотен лет. Проблема сегрегации париев — существенная и неотъемлемая часть истории Японии и ее современной действительности. Среди участников движения за освобождение буракумин в настоящее время ведутся ожесточенные споры относительно возможных способов решения данной проблемы. Прогрессивные силы страны высказываются в пользу значительных социально-экономических, политических и идейных перемен, без которых трудно будет устранить из жизни общества сохраняющееся в нем такое социальное зло, как сегрегация париев.

³⁷ Буддийским догмам обычно отводится в этом процессе решающая роль (см., например, БСЭ. Т. 49. Изд. 2-е, стр. 231).

³⁸ См. упоминания об этом в древнейших молитвословиях — норито («Литература Китая и Японии». М. 1935, стр. 17, 25, 26).

³⁹ Н. И. Ко н р а д. Указ. соч., стр. 13.